

Отзыв
на диссертацию Марины Васильевны Куцаевой
«Функционирование чувашского языка в диаспоре московского региона»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальностям 10.02.02 — языки народов Российской Федерации (урало-алтайские языки) и
10.02.19 — теория языка

Объектом диссертационного исследования М. В. Куцаевой стало функционирование языка в условиях внутренней диаспоры, а предметом исследования — чувашский язык в его взаимодействии с русским в условиях московского региона, где по последней переписи, если верить статистике, проживало 26779 чувашей и 10763 лиц, говоривших по-чувашски.

Переписная статистика вызывает мало доверия: известно, что обе постсоветские переписи вызвали массу нареканий. А самое главное — их обработка велась по постоянному населению, а не по наличному, как в советское время. В результате оказывается, например, что среди московских таджиков владеют таджикским языком лишь 42,8%, что мало соответствует ощущениям тех, кто ходит по улицам Москвы.

Тем не менее в отсутствие иных статистических данных приходится извлекать информацию из материалов переписи. В Москве и Подмосковье ситуация с народами и языками Поволжья согласно переписи 2010 г. обстоит следующим образом:

	Численность в Москве и области	Знают соответ- ствующий язык	Доля владеющих языком, %
Мордва	35773	14914	41,7
Чуваши	26779	10763	40,2
Башкиры	10584	4200	39,7
Татары	205245	81421	39,7
Марийцы	4655	1657	35,6
Удмурты	3366	1009	30,0

На первый взгляд тут не всё понятно. Две самые крупные общности — татары и мордва. Известно, что в силу ассимиляционных процессов численность мордвы падает уже 80 лет: в 2010 г. она составила 54,1% от численности в РСФСР по переписи 1939 г., а численность татар за тот же период увеличилась на 23,1%, почему же сохранность языка у мордвы выше? Обе национальные общины представлены в Москве достаточно давно. Среди татар Москвы много тех, кто живет здесь в третьем и четвертом поколении, утрачивая владение языком, но сохраняя свою этническую идентичность. С мордвой же наоборот: многие утрачивают идентичность вместе со знанием языка, а то и ранее¹.

У каждого из шести перечисленных народов своя «московская история», свои отношения к малой родине и к этническому языку. Эта проблематика остается малоизученной, хотя она представляет не только теоретический интерес. Выявление фактического положения языков народов России в столичном регионе важно для социолингвистической теории, но в этом должны быть

¹ За 1939—2010 гг. численность мордвы в Москве понизилась на 8%, а татар возросла на 158%.

² Происхождение и расселение чувашского народа // Культура чувашского края / сост. М. И. Скворцов. Ч. 1, Чебокса-

серьезно заинтересованы практические работники различных структур городского менеджмента, имеющие дело с мигрантами, а также законодательная и исполнительная власти Москвы и Московской области.

«Положение о присуждении ученых степеней», утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842, ставит перед оппонентом задачу оценить «актуальность избранной темы, степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизну» (п. 23 Положения).

В силу выше сказанного актуальность темы М. В. Куцаевой сомнению не подлежит. Также вполне оправдано решение защищать работу по двум специальностям: практически каждое из выносимых на защиту положений содержит как частный аспект, касающийся чувашского языка, так и общетеоретический.

Научная новизна работы несомненна: аналогичных фундаментальных исследований по отношению к какому-либо языку пока не предпринималось. Мало того, в ходе работы над диссертацией М. В. Куцаева разработала целый ряд частных методик работы с представителями внутренней диаспоры с целью выявления видов чувашско-русского билингвизма и их количественного распределения, установления сфер использования и функций этнического языка по возрастным когортам и поколениям, определения роли чувашского языка в процессе формирования этнической идентичности членов диаспоры и обратного влияния идентичности на языковую лояльность. Тем самым в рассматриваемой диссертации заложена методологическая основа для аналогичных исследований по другим языкам народов, находящихся в условиях внутренней диаспоры.

Основное содержание диссертации заключено в главах 2—4, где последовательно описываются языковые биографии респондентов, фактическое использование чувашского и русского языков в диаспорной среде и лояльность к этническому языку членов диаспоры. Такая структура работы представляется вполне удачной: начав гл. 2 с детальной анкеты, использовавшейся в исследовании (30 вопросов), диссертант типологизирует респондентов по параметрам возраста, поколения пребывания в диаспоре, степени усвоенности этнического языка. Фактическое использование чувашского и русского языков и лояльность чувашей к этническому языку описывается в двух последующих главах в рамках выявленной типологии респондентов. Регулярное использование таблиц облегчает читателю знакомство и с полученным в ходе тщательного обследования материалом, и с его теоретическим осмыслением.

Выдвигаемые автором диссертации теоретические положения и выводы основаны на фундаментальном практическом обследовании чувашской диаспоры в московском регионе, на нём же строятся рекомендации в сфере языковой политики, что гарантирует их полную обоснованность, научную значимость и достоверность.

Детальное и ясное изложение не вызывает вопросов. К теоретическому осмыслению собранного материала и в целом к содержательной стороне исследования возражений не возникает. Рецензент мог бы заняться пересказом работы, но я этого делать не буду.

Более детально остановлюсь на первой главе, «Язык и этничность в условиях диаспоры». Два из трех терминов, попавших в заголовок, — *этничность* и *диаспора* — в чисто лингвистических работах не встречаются. Социолингвисты часто пользуются ими как некоей самоочевидной данностью. Но М. В. Куцаева тщательно анализирует историю их использования и интерпретации

этнографами и социологами. Не случайно во Введении при перечислении научных трудов, послуживших методологической базой диссертационного исследования, она группирует их в четыре категории, две из которых отражают проблематику социальной и культурной антропологии [стр. 6—7 диссертации]. Дело в том, что в последние десятилетия ведется достаточно оживленная дискуссия о сути этничности. Число определений народа, нации, национальности, этноса и т. п. чрезвычайно велико. Но каждый исследователь сталкивается со стандартной проблемой: только он подберет набор критериев, необходимых для именования любой такого рода сущности выбранным им термином, как находится сущность, которую именно так и хотелось бы называть, а по созданному набору критериев она под этот термин не подходит.

С термином *диаспора* проще: за последние десятилетия он всего лишь расширил охват миграционных явлений. Но в разных отраслях гуманитарного знания несколько по-разному. Те, чей кругозор не выходит за пределы собственной узкой тематики, сталкиваясь с чужой интерпретацией *диаспоры*, возмущаются чужим словоупотреблением и склонны к беспредметным спорам о словах. Миграционные явления и их результаты необходимо типологизировать. Содержательные споры в этой области совершенно необходимы, дабы приблизиться к объективному пониманию сути соответствующих процессов. Но это спор о понятийной стороне. Достаточно аккуратно пояснить, что именно исследователь называет диаспорой, и тот, кто придерживается иной интерпретации термина, сможет лишь задавать уточняющие вопросы типа «верно ли что ____ по-вашему тоже диаспора?».

Поясню сказанное примером. Журнал «Дружба Народов» в № 3 за 2000 год опубликовал интервью с Татьяной Викторовной Полосковой, на тот момент завсектором мировых диаспор Дипломатической Академии МИД России (сейчас она занимается связями с соотечественниками в Латинской Америке). Полоскова говорит: «У нас зачастую работой с диаспорами занимаются случайные люди. От них не редкость услышать, например, такое: “чувашская диаспора в Москве”. Да неправильно это! Чуваши — это Россия, и чуваши в ней никакая не диаспора».

Для функционера МИДа вполне понятное рассуждение. И отнесение многих этнографов и лингвистов к числу *случайных людей* тоже не удивляет, хотя и несколько оскорбительно. Далее Полоскова говорит о разных категориях диаспор, выделяя и такую: «пограничные меньшинства, играющие большую роль в двусторонних отношениях государств». В пример приводятся «лезгины на границе России и Азербайджана». Разумеется, от интервью не следует ждать четких определений терминов. Но читатель толстого журнала, особенно причастный к обсуждаемой проблематике, должен понимать, что имеет в виду автор. Я совершенно согласен с утверждением «Чувашия — это Россия», и принимаю право на существование терминосистемы, отрицающей возможность внутренней диаспоры. Но я хотел бы понимать научные взгляды, лежащие за беллетризованным изложением, а это не удается.

Не знаю, сколь велика роль лезгин в двусторонних отношениях России и Азербайджана, но хотел бы знать какая часть лезгин диаспора и где; в тексте Полосковой о лезгинах больше не говорится, зато автор упоминает азербайджанскую диаспору в России, не детализируя с какой страной эта диаспора связана. Вряд ли с Ираном, где азербайджанцев в два раза больше, чем в Азербайджане, где и Великий аятолла Али Хаменеи азербайджанец. Но ведь из 603 тысяч азербайджанцев России далеко не все «иностранны». Они составляют, среди прочего, треть населения

старейшего города Российской Федерации — Дербента. И обосновались они там давно, во всяком случае, по переписи 1897 г. 67% жителей Дербента были азербайджанцами. Как коренной народ южного Дагестана они ничем не хуже лезгин. А права иметь диаспору в Москве или в Петербурге у них не больше, чем у чувашей. Или граждане Азербайджана в столицах — диаспора, а объединенные с ними в одном землячестве уроженцы Дагестана — нет?

Вот по причине бытования подобных взглядов докторант и вынужден в разделах 1.3—1.5 детально разбираться в различных диаспорных концепциях и формулировать собственное понимание объема термина. М. В. Куцаева принимает определение Ж. Тощенко и Т. Чаптыковой, согласно которому диаспора соотносится с исторической родиной (или ареалом расселения своего народа) [стр. 27]. В то же время она многократно цитирует работы известного чувашского историка Виталия Петровича Иванова (в 1993—1996 гг. — министр культуры и по делам национальностей Чувашской Республики), на чьей интерпретации понятий *диаспора* и *историческая родина* позволю себе остановиться.

В том, что касается квалификации московских чувашей как внутренней диаспоры, я с М. В. Куцаевой (и В. П. Ивановым) вполне солидарен. Но в целом с концепцией В. П. Иванова согласиться не могу. Он относит к диаспоре всех чувашей вне основной территории расселения, а о последней пишет: «Вплоть до 1920 г., то есть образования Чувашской автономной области, основная область обитания чувашского этноса не была локализована»².

Локализация этноса и официальное закрепление за ним некоей территории как за титульным народом — принципиально разные вещи.

Виталий Петрович Иванов родился в чувашской деревне в Бижбулякском районе Башкирии, где по последней переписи башкиры (22 %) численно заметно уступают чувашам (35 %) и татарам (26 %); мордвы в этом районе немного (3,6%) но в пяти населенных пунктах она составляет большинство населения. Марийцев в Бижбулякском районе зафиксировано переписью 2010 г. лишь 17, а удмуртов и вовсе 2 человека, зато в Татышлинском районе следом за башкирами (60%) численно идут удмурты (21%), а марийцы — преобладающий этнос в Калтасинском и Мишкинском районах (46 и 72% соответственно)³. Диаспора ли это? Не думаю, что любой результат миграции следует считать диаспорой. Народы Поволжья стали селиться на этнической территории полукочевых башкир после указа Анны Иоанновны 1736 года, разрешившего приобретать там землю в частную собственность.

На мой взгляд, чересполосное очаговое расселение народов Поволжья в Приуралье — часть их традиционной территории обитания. Смешанный характер заселения этой местности ничего не меняет. Сходных примеров в мире множество.

Завершает первую главу краткая характеристика чувашского языка (раздел 1.6). Здесь стоило бы коснуться чувашской орфографии, иначе незнакомому с нею читателю трудно воспринимать многочисленные вкрапления типа *Kĕr Cări*, *шăрттан*, *шурпе* [стр. 125] или *пĕлĕт Турă*, *чுклевçë*, *хăват* [стр. 149].

² Происхождение и расселение чувашского народа // Культура чувашского края / сост. М. И. Скворцов. Ч. 1, Чебоксары: Чувашск. кн. изд., 1995, стр. 22. — Я воспользовался книгой, имевшейся под рукой. Судя по цитированию в диссертации более поздних работ, его концепция диаспоры не изменилась: заволжские чуваши по-прежнему диаспора.

³ http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/

В Заключении обобщаются полученные результаты и формулирует выводы, вполне соответствующие поставленным во Введении к диссертационному исследованию.

Список литературы характеризуется полнотой относительно всей затрагиваемой в диссертации проблематики.

Приложения 1 и 2 реферативны, но необходимы читателю, мало знакомому с историей формирования чувашской диаспоры и современной языковой ситуацией в Чувашской Республике.

А Приложение 3, по сути, — полноправная часть диссертации, развивающая содержание раздела 3.3.11 Главы 3. В основной части небольшой объем этого раздела (шесть страниц) вполне оправдан: заметное увеличение сведений о языках религии в чувашской диаспоре нарушило бы пропорциональность освещения разной проблематики. Но как раз в этой области в ходе работы с респондентами М. В. Куцаева получила много интересного материала, который и составляет основное содержание последнего приложения.

Подводя итог, повторю, что основная часть диссертации читается с большим интересом; содержащуюся в ней фактологию и теоретические выводы просто принимаю к сведению. Выше я не согласился с объемом понятия *диаспора* у В. П. Иванова, возможно, и у М. В. Куцаевой (докторант занят проблемами диаспоры в Москве, так что выяснить, где диаспора начинается в его задачи не входило). Но это нормальное состояние научной дискуссии. По сути же замечаний к рецензируемой диссертации у меня нет.

Стиль диссертационного исследования в целом соответствует нормам научной прозы, мелкие погрешности не стоят упоминания.

В заключение хочу отметить, что работа М. В. Куцаевой показывает ее глубокую заинтересованность в судьбе чувашского языка. Она с сожалением констатирует, что «некоторые сферы остаются для чувашского языка недосягаемыми» [стр. 250] и основную причину этого видит в «разрыве в языковой компетенции городского и сельского населения» [стр. 252]. Такая ситуация не представляется безнадежной. Аналогичный «разрыв в языковой компетенции» наблюдался в Богемии к концу XVIII века, когда чешский язык в городах ушел на глубокую периферию. Томаш Гланц пишет: «Существенно, что лидеры движения Н[ациональное] В[озрождение] — и Йозеф Добровский, и Франтишек Палацкий, и Йозеф Юнгманн, если назвать только главных “генералов”, — были воспитаны именно в рамках немецкой и немецкоязычной культуры и чешский язык был скорее сферой их интеллектуального творчества, продуктом их фантазий, умственным проектом». Деятели чешского возрождения много занимались переводами на свой этнический язык, в которых «периодически возникали гротескные “комментарии”: непонятное читателю слово объяснялось обратной ссылкой на первоначальный (немецкий) вариант». «В результате текст не делался доступнее, напротив: перевод воспринимался по сравнению с оригиналом как более “иностранный”, менее понятный и менее доступный для читателя. Этот акт, казалось бы, напрасного или дисфункционального перевода обладал, однако, значительной символической ценностью»⁴. Конечным результатом этой деятельности к началу XX века в многоязычной Австро-Венгрии появился функционально вполне полноценный чешский язык.

⁴ Чешская версия языкового строительства: Национальное возрождение и его остаточные идеологемы // НЛО 2004, № 68.

Завершая отзыв, могу констатировать, что:

- в диссертационном исследовании М. В. Куцаевой содержится решение поставленной научной задачи;
- диссертация написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения и свидетельствует о личном вкладе М. В. Куцаевой в науку; конкретные результаты полученные лично соискателем в ходе работы над диссертацией должным образом отмечены в тексте работы;
- основные положения диссертации отражены в пяти публикациях М. В. Куцаевой, из которых четыре статьи опубликованы в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Автореферат диссертации в должной степени отражает ее содержание.

Таким образом, кандидатская диссертация М. В. Куцаевой характеризует ее как сложившегося высоко квалифицированного специалиста в области социолингвистики и полностью отвечает критериям, установленным пунктами 9, 10, 11, 13 и 14 «Положения о присуждении ученых степеней», а ее автор заслуживает присвоения искомой ученой степени по специальностям 10.02.02 — языки народов Российской Федерации (урало-алтайские языки) и 10.02.19 — теория языка.

Официальный оппонент,
профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики
филологического факультета Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Мос-
ковский государственный университет имени М. В. Ломоносова»,
доктор филологических наук

Подпись заверяю

Беликов Владимир Иванович

119991 ГСП-1 Москва, Ленинские горы
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
1-й корпус гуманитарных факультетов,
Филологический факультет,
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики.
Электронная почта: otipl@philol.msu.ru
Телефон: +7(495) 939-2601

Подпись руки проф. В. И. Беликова заверяю